

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Глава 1	
Враг внутри.	
Почему Россия дважды проиграла свою Вторую отечественную	10
Глава 2	
Выборы короля. Как Англия XVII века отвергла своего Петра I.....	16
Глава 3	
Спасенные интервенцией: кто выиграл Войну за независимость США.....	25
Глава 4	
Крымнашъ. Какъ публика здѣшняя симъ происшествіемъ была обрадована.....	36
Глава 5	
Завоевание Финляндии. Почему русское общество было против.....	45
Глава 6	
Самая странная война. Такие разные польские походы 1809 и 1939 годов.....	53

Глава 7

Иностранные агенты и гордость нации: как одни превращаются в других..... 60

Глава 8

Две системы с одним концом: Варшавский договор как реинкарнация Священного союза..... 68

Глава 9

На Париж? Как Россия не смогла повторить Отечественную войну..... 78

Глава 10

Немецкий Крым. Как Бисмарку удалось присоединить Шлезвиг и не рассориться с Европой..... 85

Глава 11

Лучший друг — вчерашний враг. Как Российская и Британская империи приручали покоренные элиты..... 98

Глава 12

Угроза с Запада. Почему военная тревога 1863 года всем понравилась..... 107

Глава 13

Воронка благих намерений. Как политкорректность сорвала боевую операцию..... 115

Глава 14

Вечно неблагодарные. Почему болгары попрекают Россию, дважды их освобождавшую..... 124

Глава 15

Империя на ручном управлении. Как «русские идеи» довели Россию до военной катастрофы..... 136

Глава 16

Третий союзник России. Как потратить деньги
и не приобрести друзей..... 146

Глава 17

«Сирия» XX века. Зачем Россия влезла в конфликт
на тогдашнем Ближнем Востоке..... 156

Глава 18

Предтеча «маршала Победы». Генерал, который мог
повлиять на ход Первой мировой..... 163

Глава 19

Наш несостоявшийся де Голль. Почему Колчак
не сумел въехать в Москву на белом коне 174

Глава 20

Неэффективные менеджеры. Армия Колчака как
пример неудачного ведения бизнеса 184

Глава 21

Тревожное лето 1927 года. Как с помощью внешней
угрозы разгромить внутреннюю оппозицию 192

Глава 22

Хуже, чем преступление. Почему Вторая мировая
не закончилась в 1940 году победой над Германией..... 200

Глава 23

1941 год наоборот. Как 22 июня 1944-го вермахт
и Красная армия поменялись местами..... 220

Посвящается 1603

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История никогда не повторяется, но часто рифмуется», — эта фраза Марка Твена вполне могла бы послужить эпиграфом книги, которую вы держите в руках, состоящей именно из таких рифм-параллелей. Вам и самим наверняка случалось при чтении исторических романов, монографий, статей испытывать дежавю, настолько описываемые события напоминают то, что происходило в другие эпохи, на десятки, сотни лет раньше или позже, а то и свершается сегодня на ваших глазах.

Автор данной книги задался целью превратить это дежавю в серию статей, объединенных общей темой — исторических параллелей. Он находит эти параллели как в российской истории прошлых веков, так и между давними событиями в разных странах и недавними в России (вы сами увидите, насколько эпопея с присоединением Шлезвига к Пруссии напоминает крымские события 2014 года).

История России напрашивается на такое запараллеливание, часто повторяясь и в мелочах, и в глобальном масштабе: были в ней и две Отечественные войны — 1812 года и 1941–1945 гг., и два очень похожих модернизационных рывка — петровский и сталинский, и две катастрофы, связанные с падением империй — романовской и советской.

Разумеется, абсолютных аналогий, стопроцентного совпадения в истории не бывает. И тем не менее такие исторические параллели позволяют лучше понять внутреннюю логику российских перипетий, вскрыть упущенные возможности,

порадоваться очевидным достижениям, четче увидеть существовавшие когда-то альтернативные пути развития тех или иных поворотных узлов истории.

Возьмем российскую Гражданскую войну. Общим местом является утверждение, что белые потерпели поражение в результате несопоставимости их ресурсов с ресурсами врага и вследствие неумения эффективно использовать даже имеющиеся, — в одной из статей автор отдал дань и такому толкованию. Но можно посмотреть и под иным углом. В школе историю СССР и России проходят по одному учебнику, а всемирную — по другому. В итоге многие события российской истории — и Гражданская война лишь одно из них — рассматриваются как бы в замкнутом пространстве, в отрыве от мировых. Между тем исход этой войны зависел не только и, рискну даже сказать, не столько от внутреннего противостояния белых и красных, сколько от общего хода Первой мировой войны.

Слишком смелое утверждение? Но давайте посмотрим на похожие события, происходившие во Франции: противостояние де Голля и Петена в 1940–1944 гг., которое временами отчетливо принимало характер гражданской войны. И как наша Гражданская, тоже оказалось плотно вписанным в контекст мировой войны, только уже Второй. У Петена были все преимущества: французский флот и армия в массе своей остались ему верны, он располагал несравненно большими ресурсами и легитимностью. Но победил в итоге де Голль, точнее, сам ход Второй мировой, приведший к радикальному решению «германского вопроса», сделал практически неизбежной его победу. Что было бы, продлился Первая мировая на Западном фронте еще год — до осени 1919-го? Тогда и Колчак имел бы все шансы стать российским де Голлем (а скорее, де Голля называли бы «французским Колчаком»).

Впрочем, выдвигая свои альтернативные трактовки событий, автор ни в коей мере не считает их истиной не то что в последней, но даже в предпоследней инстанции. Родиться такая истина может только в спорах. И если эта книга вызовет у читателя желание спорить и искать контраргументы в серьезной исторической литературе, автор будет считать свою задачу выполненной.

ГЛАВА 1

Враг внутри. Почему Россия дважды проиграла свою Вторую отечественную

Победа 9 мая 1945 года кажется неоспоримым доводом в пользу революции 1917 года, сноса старой России и возведения на ее развалинах новой, советской. Ведь поколение, победившее в 1945-м, смогло отомстить немцам не только за 1941 год, но и за проигранную отцами Первую мировую. И как отомстить! Взятие Берлина стало невиданным в истории страны военным триумфом. Хотя постойте... если задуматься, не таким уж невиданным.

В истории Российской империи была своя Отечественная война. В 1812 году русские войска тоже отступали до Москвы, чтобы через два года принять капитуляцию вражеской столицы. А еще раньше, в 1613-м, династия Романовых приняла страну с сохой, чтобы через 100 лет овладеть «атомной бомбой» Нового времени — секретом создания регулярной армии европейского образца. Готфрид Лейбниц, один из ведущих интеллектуалов Европы, в 1670-е предсказывавший России участь шведской колонии, дожил до Полтавской виктории.

Что с чем сравнивать

В романовской России была своя индустриализация, стоившая неимоверных жертв, но прорубившая окно в Европу и позволявшая выиграть войну — да не одну! Был и взлет к вершинам мирового могущества, и застой, свой культ личности, свои колхозы, реформы, контрреформы. Порой при чтении «Истории СССР» возникает стойкое ощущение дежавю: этот сериал мы уже смотрели, только он снимался в других декорациях и был длиннее. Ну да, поскольку в XX веке и прогресс, и регресс шли быстрее, Советскому Союзу пришлось жить в темпе «год за четыре», уложившись в 70 годовых «серий» вместо 300.

Так что вопрос, почему романовская Россия рухнула, а советская нет, несмотря на то что в феврале 1942-го фронт был на сотни километров дальше к востоку, чем в феврале 1917-го, бессмыслен, как любое ложное сравнение. Ведь и советская империя развалилась подобно романовской. Просто у романовской России 1942 год случился в 1812-м, и тогда она в итоге победила.

Аналогом же 1917 года является 1991-й. В обоих случаях крах произошел по внутренним причинам, катализированным неудачно ведущимися войнами — Первой мировой и холодной («горячим» воплощением последней была афганская). Оба раза власть тщетно пыталась придать борьбе с «германским/американским империализмом» общенациональный характер. Начатую в 1914 году войну официально так и назвали: Вторая отечественная. Но как-то не прижилось...

«Главным препятствием на пути к победе было полное нежелание большей части населения — от крестьян и казаков до духовенства и буржуазии — осознать, что Россия ведет не просто крупную, а решающую судьбы не только ее, но и всего мира на столетие вперед войну»*, — пишет историк

* Ланник Л. В. Русский фронт. 1914–1917 годы — М.: Наука, 2018.

Леонтий Ланник. На первый взгляд, объяснение этого «нежелания осознать» и, соответственно, нести жертвы на алтарь победы, лежит на поверхности: не было того мобилизующего ощущения национальной катастрофы, которое в 1812 году вызвал пожар Москвы, а в 1942-м — враг, стоящий на Волге. В этом смысле на вопрос, почему романовская Россия рухнула, имея фронт на сотни километров западнее, можно ответить — именно поэтому! Стояли бы немцы под Киевом и Петроградом, еще неизвестно, как бы все повернулось.

Но это будет лишь частью правды, и не самой важной. Важнее, на мой взгляд, нараставшее ощущение того, что главный враг на этот раз находится не за линией фронта, а внутри страны. И этот враг — сама власть.

ВРАГ ВНУТРИ

Мне могут возразить: а почему мы говорим только о 1917-м и 1991-м? Разве при Сталине власть, пачками отправлявшая в расход «врагов народа», сама таким врагом не была? Тут уж пусть ответят те, кто ее застал. «Для нас для всех Сталин был буквально богом. Конечно, репрессии — это ужасно, счастье, что мой отец остался жив. Но было и много хорошего: выиграли войну, дисциплина была», — говорит в фильме Юрия Дудя «Колыма» Наталья Королева, дочь едва не сгинувшего в лагерях корифея советской космонавтики. Нужно видеть в этот момент глаза Дудя...

Советский режим сгубил миллионы людей, но все же ответственность субъективным стремлениям десятков миллионов. Дело даже не в умело насаждаемой психологии осажденной крепости, которая позволяла контролировать общество куда эффективнее, чем репрессивный аппарат НКВД. Дело в надеждах на перемены, на улучшение жизни, на то, что жертвы не напрасны, что они оправданы счастьем и изобилием, которое наступит для детей тех, кто жертвует собой

и окружающими. Это сродни чаяниям эмигрантов из третьего мира, готовых на любую работу, лишь бы дети выучились и «вышли в люди». А тут картина будущего счастья была нарисована для целой страны.

И в царской России, пока правительство было «единственным европейцем» и успешным модернизатором, за прогрессивные перемены ему прощали многое. И Петра I в народе называли антихристом, но прозвище забылось, а Петербург — вот он, стоит с Медным всадником в центре. Но к хорошему быстро привыкаешь, именно оно создает в стране ту сформулированную философом Константином Леонтьевым «цветущую сложность», которой власть в ее закосневшем состоянии перестает соответствовать. Брежнев — сущий вегетарианец по сравнению со Сталиным, и жили при нем не в пример сытнее, но Наталья Королева вряд ли удостоит его сравнения с богом.

В начале и в конце XX века российское общество приходило к пониманию, что не боги горшки обжигают, и требовало долевого участия в управлении страной. Правительство в те периоды уже не выглядело «единственным европейцем», да и с картиной будущего возникли проблемы. Какое-то время ее можно было подменять идеей расширения империи (или социалистического лагеря); споры о внешней политике способны длительное время заменять запретные дискуссии о политике внутренней. Но со временем этот суррогат политической жизни перестает работать из-за бездарных провалов на международной арене. Если огромная страна не может выиграть «маленькую победоносную войну» на полях Маньчжурии или в горах Афганистана, что-то не так в самой стране, не правда ли?

СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ НЕ ПОМОГАЕТ

Помимо войны какую-либо альтернативу картине светлого будущего власть предложить не может. Остается вдохновляться

воспоминаниями о былых успехах. В 1909–1913 годах чередой пошли юбилеи: 200-летие Полтавской битвы, 100-летие Отечественной войны, 50-летие начала «великих реформ», 300-летие дома Романовых. Никогда еще Россия не праздновала так широко и помпезно. «Обрадовались законному случаю пославословить и поликовать и предались сему занятию с излишеством, как воробушки перед темной тучей», — вспоминал Владимир Короленко. Даже парадную форму армии стилизовали под мундиры и кивера 1812 года.

Однако «духи предков» не могли помочь в противостоянии с технологически более развитым противником. Особенно в ситуации, когда надежды на счастье и изобилие тают, а очереди в магазинах растут (так было и в 1916–1917 гг., и в 1989–1991 гг.). Вторая отечественная проходила в совершенно иной психологической атмосфере, нежели первая, — сам смысл противостояния ускользал от народа. От первоначальной эйфории — заступились за Сербию в 1914-м или спасли Кубу в 1961-м — не осталось и следа. На фоне реальных проблем обывателя, стоящего в очередях, или рабочего у станка и Сербия, и Куба казались отвлеченной абстракцией. А самое главное, нарастало ощущение, что с такой властью эти проблемы в любом случае не преодолеть.

И власть, надо отдать ей должное, делала все, чтобы подтвердить мнение о своей недееспособности. Просто в одном случае это проявлялось как министерская чехарда, в другом — как «гонки на лафетах». Парламентские эксперименты в царской России и СССР на излете их существования оказались очень похожими: народным избранникам предоставили трибуну для обличений, «забыв» поделиться с ними реальной властью (а заодно и ответственностью за положение в стране). Были и точные совпадения: жену Горбачева в конце его правления ненавидели в той же степени, что жену Николая II в 1916-м, и даже формулировка была одинаковой: «вертит мужем», не давая прислушаться к разумным советникам. Все

это в итоге сливалось в один всеобщий призыв к власти — «Уйдите!», который наверху воспринимали как блажь кучки интеллектуалов, не разделяемую «глубинным народом».

Можно рассмотреть интересную альтернативу: что было бы, отрекись Николай II двумя годами раньше? Глядишь, и не пронесло бы Россию мимо победы в Первой мировой, и Вторая не состоялась бы. Передай Горбачев трон генсека Ельцину в 1989-м, не могла ли стать явью мечта Солженицына о новом союзе трех славянских республик — России, Украины и Белоруссии?

Но в итоге Солженицын увидел воочию то, что ранее описал в «Красном колесе»: отчаянные попытки не поступиться ни граммом власти, тотальное разочарование народа в правителе, несущем ответственность за все, а как итог — горькое признание, что «кругом измена, трусость и обман», отречение и крах империи. Ибо никакой другой скрепы кроме трона у страны уже нет — старые исчезли, новых не создали. (Напрасно Солженицын отчаянно пытается возложить вину за катастрофу на либерально-космополитических «бесов»: исторический материал сопротивляется и в итоге оказывается сильнее замысла художника.)

В нынешней российской армии в форму 1812 года переодели только кремлевский полк. Зато государственные масштабы празднования победы в Отечественной войне уже превзошли и позднеромановскую, и позднесоветскую традиции. Не хотелось бы думать, что и у нынешней России все ее главные достижения остались в прошлом.

Опубликовано: Republic, 19 мая 2019 г.

ГЛАВА 2

Выборы короля. Как Англия XVII века отвергла своего Петра I

23 февраля 1689 года Вильгельм III Оранский был провозглашен королем Англии. Так завершилась активная фаза низложившей его предшественника Якова II Славной революции — одного из самых загадочных для россиян событий британской истории.

Две блестящие российские монографии на эту тему (Владимира Томсинова, «Славная революция» 1688–1689 гг. в Англии и Билль о правах», и Кирилла Станкова, «Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701»), отвечая на вопрос, почему англичане свергли короля, только добавляют интригу, но не вносят ясность. Ибо написаны они с проякобитских позиций, и Яков II в них предстает монархом, состоящим, кажется, из одних достоинств.

В самом деле: король Яков создал английскую регулярную армию, поднял на недостижимую высоту флот, который, будучи еще наследником престола, лично водил в бой — и с успехом! Он упорядочил финансы, резко сократил расходы королевского двора. Наконец, он отменил гонения на иноверцев и протестантских диссидентов-раскольников. Да, при этом пришлось нарушить конституционные процедуры из-за нежелания парламента провозглашать свободу совести. Но все это — ради блага неразумных подданных

и процветания страны! В конце концов стремление Якова сделать Британию по-настоящему великой (Трампа на его месте непременно придумал бы слоган «Make Britain Great!») требовало дружной работы всех подданных независимо от их вероисповедания.

И все это он успел за три года правления, а сколько еще мог сделать! По широте замыслов это поистине британский Петр I. У него только один явный недостаток: Яков II — католик, правящий в протестантской стране. Но для его подданных, этих узколобых протестантских фанатиков, вопросы веры оказываются превыше и государственных, и их собственных интересов (так здраво разъясненных в XXI веке российскими историками). И вот англичане подговаривают принца Вильгельма Оранского высадиться в Англии во главе голландской армии и предают своего короля в руки интервентов. Единственный раз в своей истории остров захвачен без боя.

И все из-за неправильной религии Якова?! Чего-то в этой схеме не хватает, не правда ли? А не хватает ответа на вопрос, с чего вдруг англичане, это воплощение рационального мышления и практичности, вдруг повели себя как турки эпохи упадка Османской империи, когда клинки религиозных фундаменталистов моментально сметали с трона любого реформатора. Уж сколь многочисленны были приверженцы «старины» в России, но и у них не получилось свергнуть Петра I. Так что же, Англия XVII века оказалась консервативнее России? Конечно нет, иначе не ездил бы Петр Алексеевич в Лондон изучать европейские технологии и перенимать британский опыт.

Чтобы разрешить эту загадку, нам придется отбросить религиозную риторику, традиционно прикрывавшую в те времена вполне прагматические интересы, и рассмотреть реальные коллизии, которые привели к свержению английского короля-реформатора.

РЕФОРМАТОР НА ТРОНЕ

Яков II действительно напоминает Петра I своим реформаторским пылом. Он тоже считал, что лишь создание мощного государства позволит Англии завоевать место под солнцем в борьбе с централизованными монархиями континента. Яков тоже хотел учиться у Европы, благо образец был прямо под боком — Франция Людовика XIV, автора изречения «Государство — это я». Это для нас английский парламент — прообраз современной политической системы. Для Якова он наряду с местным самоуправлением был таким же пережитком Средневековья, как бородатая боярская дума для Петра.

Яков решил построить идеальную абсолютную монархию, отстранив подданных не то что от участия, даже от обсуждения государственных дел. И провозглашенная им свобода совести была шагом на этом пути. Для начала объявлялось, что людей больше не будут наказывать за отказ посещать англиканскую церковь. Но за пряником следовал кнут: отныне запрещалось «проповедовать и учить тому, что могло бы любым образом вести к отвращению сердец наших людей от нас или от нашего правительства». То есть богу молитесь как хотите, но не суйтесь в дела кесаревы.

«Разглагольствуя с людьми на тему плохого управления, знаете: это будет бунтарская позиция и практика, — наставлял католический епископ Филипп Эллис. — Дискредитировать образ ваших светских или духовных начальников гораздо хуже, чем хулить церковь или грабить алтарь». Католические идеологи Якова разработали и доктрину «активного послушания». Теперь мало было пассивного непротивления политике короля, ибо «грехи недеяния являются грехами деяния», следовало активно и непреклонно содействовать ей.

В стране, где привыкли свободно обсуждать политические проблемы, в том числе в форме религиозных диспутов, это

было ошеломляющей идеологической новацией. Начались протесты. Для «предотвращения неразумного проповедования» Яков создал комиссию духовных дел. «Намерением комиссии было очень жестко преследовать некоторых, чтобы это могло устроить остальных», — писал богослов, историк и современник событий Гилберт Бёрнет.

Санкции применили к кофейням, которые служили англичанам тогдашним аналогом соцсетей: в них широко обсуждались любые темы. Этим заведениям запретили выписывать газеты, взамен заполнив их, как писал современник, «сходящими с ума от лояльности» доносчиками, отслеживающими разговоры о политике. Система перлюстрации удушила возможность обмена политическими новостями через почту. Не прошло и двух лет, как англичане, по воспоминаниям одного из них, «почти потеряли право думать свободно».

Отказ парламента поддержать декларацию о свободе совести (в итоге она была введена королевским декретом) привел к его роспуску. Следующий созыв Яков решил сформировать по своему вкусу. В графства были спущены анкеты, которые в обязательном порядке заполнялись губернаторами, судьями, муниципальными и государственными чиновниками, офицерами. Вопросы было немного: будет ли подписавшийся поддерживать королевские законопроекты в случае избрания в парламент? Будет ли он содействовать избранию таких же лояльных королю депутатов? Ответ «нет» означал увольнение, и три четверти опрошенных потеряли свои места.

Таково было реальное содержание «католицизма от Якова». Американский историк Стивен Пинкус использовал для его описания современный политологический термин «электоральный авторитаризм». В XVII веке таких слов еще не знали, поэтому Бёрнет просто писал: «Происходило тотальное свержение нашей конституции».

КОРОЛЬ НА ПОРОГЕ УСПЕХА

Ошеломительный эффект перемен усиливался тем, что они произошли в течение одного «президентского срока» — Яков правил в 1685–1688 гг. Взойдя на трон в 52 года, в более чем солидном для того времени возрасте, он спешил не только перестроить страну, но и успеть насладиться плодами перестройки, сыграв свою партию в европейской политике.

Нашлось немало представителей английского политического класса, поддержавших короля. «Церковь — это место для службы, а не для дискуссий», — вторил ему англиканский епископ Честера Томас Картрайт. А когда совет колледжа Магдалины в Оксфорде отказался назначить католика на освободившееся место президента, Картрайт выговаривал его членам: «Принципы — всегда предлог к мятежу, ими следует пожертвовать».

Еще более рьяными реформаторами были новообращенцы в католическую веру. Так, Эдвард Хейлз, ставший комендантом Тауэра, предвосхитил идею полицейского государства, советуя королю вообще «отменить парламент» и составить досье «на каждого человека любого положения в каждом графстве».

Но «глубинный» английский народ к 1688 году был настроен явно антиякобитски. Французский посланник не без удивления писал, что даже английские католики возражают против передачи королю «слишком большой власти за счет свобод нации». Введение «французского» варианта управления государством в обмен на право молиться по своему вкусу их не устраивало. «Удовольствие [французского] короля заключается в насилии над законом — по этой причине короли по своему усмотрению меняют законы, создают новые законы, обременяют своих подданных расходами», — писал один из английских тори. Для англичан право контролировать законы и налоги через парламент было важнее религиозных догм.

Яков II учел это недовольство заранее. Как и Петр I, реформы он начал с создания армии, за три года увеличив ее

численность с 9000 до 40 000 и разместив в 27 гарнизонах по всей стране. Предполагалось, что они легко справятся с локальными мятежами, а попытка организовать восстание в масштабах страны будет вскрыта системой внутреннего шпионажа на стадии подготовки.

НАКАЗАНИЕ ИЗ ГААГИ

Удивительно, насколько близко Яков подошел к своей цели — созданию абсолютистской Англии. В «дореволюционной» конституции (документа с таким названием там не было, но слово существовало, англичане говорят «our constitution» в значении «наши порядки») не оказалось механизма, способного блокировать экспансию королевской прерогативы. И если бы не удачное стечение обстоятельств, история Британии пошла бы по сценарию этого незаурядного монарха.

Удачу звали Вильгельм Оранский. В его лице воплотилось счастливое сочетание права и возможности. Права на английский престол, поскольку он был женат на дочери Якова, и возможности за этот престол побороться, будучи правителем Голландии и контролируя ее армию и флот.

К 1688 году Гаага стала Меккой английских политэмигрантов. Отсюда нити заговора потянулись на остров. «19 человек из каждых 20 по всему королевству ждут перемен и охотно будут содействовать вам, если получат такую защиту и моральную поддержку при мятеже, которые обезопасят их от поражения, прежде чем они станут в состоянии защитить себя сами», — заверяли Вильгельма его сторонники из Лондона.

Наконец он решился. 5 ноября войска Оранского при полном непротивлении английского флота высадились на юге Англии. Яков сетовал, что ему пришлось бороться одновременно с «иностранной армией и отравленной нацией». Но англичане не воспринимали эту армию как иностранную (даром что в ее рядах были такие экзотические подразделения, как

финны в медвежьих шкурах и мамлюки в тюбанах). Для Англии полки Вильгельма были, если хотите, аналогом союзной белорусской армии для россиян. Да и из коренных британцев она состояла чуть ли не на четверть.

Оранский шествовал по стране под праздничный перезвон колоколов. Из собранных на Солсберийской равнине войск Якова началось массовое дезертирство комсостава. После того как к Вильгельму перешел любимец короля Джон Черчилль, будущий герцог Мальборо, Яков понял, что игра проиграна. 22 декабря после череды мытарств он бежал во Францию.

ОТВЕРГНУТЫЙ «ЗАВЕТ ИУДЫ»

Очевидно, что петровская модернизация в России пошла совершенно иным, «континентальным» путем. Российская империя стала, условно говоря, страной «победившего Якова». Можно спорить, имелись ли в распоряжении Петра I институты, на которые он мог бы опереться при проведении «модернизации по-английски». Но бесспорно другое: как справедливо заметил Дмитрий Травин, Петр, даже побывав в Англии и посетив заседание английской палаты общин, едва ли мог при своем уровне политического сознания уразуметь, для чего нужны все эти вольности, сословное представительство и парламенты. Для сопротивления тиранической власти? Но если монарх мудр, благонамерен и желает стране только добра, как Петр, то ясно, что такие свободы совершенно излишни, баловство одно. Вот техника, корабли, торговля — это да.

Но ведь и Яков II желал своей стране исключительно добра, только вот Англия не захотела модернизации такой ценой — ни тогда, ни после. Славная революция (под таким названием она вошла в историю) произвела ментальный переворот в английском политическом сознании. «Пассивное послушание воле короля — это завет Иуды, предательская доктрина... которую переменчивая мысль некоторых казуистов предлагает

нам под видом истины, — провозглашал англиканский теолог Уильям Стивенс идеи, за которые еще недавно был бы обвинен в измене. — Когда правитель решает разрушить религию, законы и свободы своей страны, людям не только позволено, но обязательно по долгу перед своей страной... силой оружия убрать причину такого невыносимого бедствия».

Славная революция не изменила страну в одночасье, не наполнила ее «молочными реками» на завтра после бегства Якова. Впереди была кровавая борьба с якобитами в Ирландии, череда заговоров и попыток реставрации. Но революция создала условия для построения в Англии «образцового капитализма», который позволит ей победить в борьбе за первенство с абсолютистской Францией.

Революция окончательно разрешила давний спор между короной и парламентом о приоритете власти. «В XVII веке законодательную власть еще можно было рассматривать как несколько абсурдный и, несомненно, раздражающий пережиток средневекового прошлого Англии, иррациональную помеху для эффективной монархической власти, без которой в общем-то вполне можно было обойтись», — пишет английский историк Кеннет Морган. После революции приоритет парламента над короной был закреплен навсегда.

Парламент становится «местом для дискуссий», в котором бескровно улаживаются внутренние конфликты элит, источником экономических реформ и, наконец, превосходным инструментом мобилизации страны для внешней экспансии. В реалиях того времени экспансия подразумевала войну. Для войны, как говаривал Наполеон, нужны три вещи: деньги, деньги и деньги. И в 1776 году французский министр иностранных дел граф де Верженн завистливо напишет: «Вызывает восхищение и кажется чудесной та легкость, с которой английская нация или, точнее, ее представители идут на столь чудовищные расходы. Мы, несомненно, располагаем более реальными ресурсами, чем Англия, но распоряжаться ими нам

далеко не так легко; связано это с тем, что общественное мнение не может установиться в абсолютной монархии так, как это происходит в монархии смешанной». В Англии в то время были самые высокие налоги в мире, но англичане не роптали: люди готовы платить больше, если могут контролировать, как расходуются деньги, если уверены, что они пойдут на нужды государства, а не на королевские прихоти. Парламент и стал национальным инструментом контроля бюджета.

Это еще не была демократия в нашем сегодняшнем представлении; в конце концов, депутатов палаты общин избирал всего один процент населения страны. Но именно парламентское правление сформировало в итоге ту британскую политическую культуру, которая станет предметом зависти и недоумения в России. Да-да, и недоумения тоже.

Взять хотя бы еще одно загадочное для нас событие британской политики. В июле 1945 года потомок герцогов Мальборо Уинстон Черчилль, успешно приведший страну через тернии величайшей войны, потерпел поражение... на обыкновенных выборах. Дикие нравы в этой демократии, никакого почтения к авторитетам и триумфаторам!

Опубликовано: Republic, 23 февраля, 2019 г.

ГЛАВА 3

Спасенные интервенцией: кто выиграл Войну за независимость США

Учебники истории похожи на открытки с изображением знаменитых зданий: здесь вы найдете лишь монументальные фасады, а знание конструкции фундамента — удел специалистов. «Фасад» Войны за независимость (1775–1783), которую 13 колоний вели против Англии, в американских и советских школьных учебниках изображался совершенно одинаково.

Одним событиям в учебниках посвящены целые абзацы: первые победы повстанцев под Лексингтоном и Конкордом, героическая зимовка армии Вашингтона в Вэлли-Фордж, конечно же, принятие Декларации независимости. О других не пишут вовсе или упоминают вскользь. Например, о решающей операции войны написано: «В 1781 году главные силы англичан сдались Вашингтону под Йорктауном»*. Как сказал бы Ленин, формально правильно, а по сути издевательство над реальной историей.

Причина этой схожести американских и советских учебников понятна: Американская революция хоть и называлась в СССР буржуазной, но как любая революция считалась

* Ефимов А. В. Новая история. Часть первая. Учебник для 8 класса. — М.: Просвещение, 1980.

явлением сугубо прогрессивным. Что уж говорить про сами США, где она — альфа и омега национального мифа. Поэтому на авансцену выдвинуто живое творчество революционных масс, а прочие факторы, пусть и фундаментального значения, но излишне «усложняющие» картину торжества демократии над монархией, вынесены за скобки.

Одним из таких факторов было многовековое англо-французское соперничество.

Помощь с востока

Первым успехам в этой войне американцы обязаны применению партизанской тактики: неповоротливые английские колонны обстреливались из-за деревьев и кустов, несли потери, а попытки ответить штыковой атакой ни к чему не вели — противник просто рассеивался. (Через полвека с той же проблемой столкнется русская армия на Кавказе.) Однако так можно выиграть бой, но не войну. Для этого нужна регулярная армия, способная победить англичан в полевом сражении. И тут возникла проблема.

Во-первых, у американцев не хватало оружия и снаряжения, особенно пороха, поскольку промышленность в колониях была на тот момент крайне неразвита. Во-вторых, моральные качества большинства революционных солдат и офицеров оставляли желать лучшего: в армию они шли вовсе не из патриотических чувств, а за деньгами и добычей. Служили по контракту, заключавшемуся на короткий срок, по истечении которого целые полки расходились по домам.

«Несмотря на всевозможные общественные добродетели, приписываемые этим людям, нет другой нации под солнцем, которая так бы поклонялась деньгам, как эта, — писал о своих войсках главнокомандующий американской Континентальной армией Джордж Вашингтон. — Грязный дух наемничества пронизывает их всех, и меня не удивит никакая катастрофа».

Как в воду глядел. В первых же крупных боях под Нью-Йорком в 1776 году десантный корпус англичан буквально смел его разбежавшиеся полки. Вашингтон, швырнув шляпу на землю, завопил: «И с этими я должен защищать Америку! Великий боже, что за армия!»

И тут очень вовремя на помощь американцам пришла Франция, которой антибританское восстание в Северной Америке показалось прекрасным шансом отомстить своему геополитическому противнику за недавнее поражение в Семилетней войне. Пьер Бомарше, широко известный как автор «Севильского цирюльника» и куда менее — как спецгент французской короны, уже в 1776 году получил от Людовика XVI субсидию в 1 млн ливров и через подставные фирмы отправлял в Америку оружие, снаряжение и добровольцев.

«Мы будем снабжать вас всем — одеждой, порохом, мушкетерами, пушками и даже золотом для оплаты войск и вообще всем, что вам нужно в благородной войне, которую вы ведете», — писал Бомарше американцам. Не обманул — 90% пороха, использовавшегося Континентальной армией, было французским. «Франция своими припасами спасла нас от ига», — признавал Вашингтон. Но не только припасами. В 1778 году Франция объявила войну Англии, вскоре к ней присоединилась Испания. Начались боевые действия в Индии, в Атлантике шли морские сражения.

Не сидел без дела и Вашингтон. С помощью прусского капитана Штойбена он, ежедневно муштруя свои полки, превратил их в настоящую армию, способную дать отпор англичанам. Казалось, в Америке повторяется история Петра I, начавшего побеждать с Нарвы и через девять лет поднимавшего гост за «учителей-шведов» в шатре под Полтавой. Только вот Вашингтон был не абсолютным монархом, а всего лишь командующим армией. И если бы ему довелось услышать максиму Клаузевица о войне как продолжении политики, будущий

первый президент США подписался бы под нею обеими руками, ибо познал ее истину на собственном опыте. К 1780 году выяснилось, что, едва научившись побеждать на фронте, американцы катастрофически проигрывают войну в собственном тылу.

АМЕРИКАНСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ

«У американцев ныне есть основательные причины не вспоминать, что происходило с Вашингтоном и Континентальной армией в промежуток между 1778 и 1781 годами, когда наши предки, положившись на союз с Францией, беспредельно захваливали Вашингтона и оказывали ему все меньше практической помощи», — писал один из биографов Вашингтона Френсис Беллами. Александр Гамильтон, адъютант и правая рука командующего Континентальной армией, выразился в свое время еще резче: «Наши соотечественники — абсолютные болваны и пассивны как овцы. Они вовсе не привержены борьбе за свободу. И если нам суждено спастись, то спасти нас должны Франция и Испания».

Это очень похоже на настроения российских «цензовых сословий» после октября 1917 года: спасти их от большевиков должны французы, японцы, американцы, чехи — кто угодно, только не они сами. И это не единственное сходство американской войны за независимость с российской гражданской.

«Наши дела в самом тягостном и катастрофическом положении, когда-либо складывавшемся с начала войны. Безделье, распутство и роскошь овладели большинством. Спекуляция, казнокрадство, ненасытная страсть к наживе подавили все другие соображения и охватили людей всех состояний. Партийные распри и личные склоки — основное занятие, в то время как жизненно важные проблемы... считаются второстепенными и решение их откладывается со дня на день, с недели

на неделю, как будто наши дела обстоят блестяще». Это писал Вашингтон в 1778-м, насмотревшись на жизнь в тыловой Филадельфии. Ровно теми же словами мемуаристы описывают картины белого тыла в 1918–1920 гг. «Враги не колеблясь говорят... что мы сами победим себя», — сетует Вашингтон в другом письме. Комдив Огородников в книге «Удар по Колчаку весной 1919 г.» так прямо и писал: колчаковцы не столько проиграли на поле боя, сколько развалились изнутри.

К весне 1781-го стоимость непрерывно печатавшихся революционной властью денег упала настолько, что в ходу была мрачная шутка: «На телегу долларов нельзя купить телегу муки». Продовольствие приходилось реквизировать под угрозой штыков, что популярности Континентальной армии (как и Добровольческой в 1919-м) не добавляло.

Ситуацию осложняло то, что даже в самих 13 колониях далеко не все поддерживали мятеж. Достаточно сказать, что на стороне англичан сражался сын Бенджамина Франклина, одного из отцов-основателей США, чей портрет украшает самую популярную в мире стодолларовую купюру. И если бы только он! Четвертая часть 2,5-миллионного населения не просто сохраняла верность короне, а активно формировала лоялистские полки. Война все больше приобретала характер гражданской со всеми ее ужасами. «Они устроили жуткую резню, около 100 человек были убиты, а большинство остальных изрублено на куски. Это оказало очень положительное воздействие на тех враждебно настроенных людей, коих слишком много в этой стране», — это писал Вашингтону его генерал Натаниэль Грин про действия **своих** людей против лоялистов.

Добавьте к этому далеко не братские чувства, которые питали друг к другу уроженцы разных колоний: вирджинцам уже тогда не нравились янки, а те смотрели на южан с таким же подозрением, как донские и кубанские казаки на добровольцев-деникинцев.

«Я НЕ ВИЖУ НИЧЕГО ВПЕРЕДИ, КРОМЕ НОВЫХ БЕД»

Если представить Англию в виде контролируемой большевиками Центральной России, то американские колонии можно сравнить с белым Югом. Аналогия на первый взгляд странная, ведь у нас именно большевики считаются революционерами. Но, в сущности, борьба белых — это тоже восстание против Центра, перешедшего под контроль новой власти. А части Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) на Волге вообще воевали против большевиков под красными знаменами. С точки зрения методологии неважно, кто больший революционер, имеет значение, кто контролирует Центр, ибо он сразу получает преимущество перед мятежной окраиной.

При этом в XVIII веке у британского «центра» тоже хватало проблем, и они были похожи на проблемы Советской России. Взять, к примеру, логистику: в условиях войны с Францией англичанам было безумно трудно перебрасывать через Атлантику подкрепления и снабжение. А вот что писал советский журнал «Военная наука и революция» о ситуации в конце 1919 года: «Железные дороги, совершенно разрушенные противником, стали. Между Красной армией и центром образовалась пропасть в 400 верст, через которую ни подвезти пополнения, ни произвести эвакуацию, ни организовать санитарную помощь было невозможно...»

Но все познается в сравнении, и оно было не в пользу американцев (и белых). Как ни накачивали французы оружием и снаряжением Континентальную армию (а англичане — Добровольческую), всё не в коня корм. Желających держать это оружие в руках становилось все меньше. Парадокс, но пика своей численности — почти 43 000 человек, — полки американцев достигли в 1776-м, в самом начале войны. В 1779-м она упала до 27 000, а в 1781-м — до 13 000. Еще более радикально, в 10 раз (с 20 до 2 млн долларов в фиксированных

ценах), сократились за это время военные расходы. Немудрено, что желающих завербоваться в армию становилось все меньше, а их пригодность к армейской службе вызывала все больше вопросов.

Положение было настолько критическим, что Вашингтон заговорил о компромиссном мире, допуская, что за англичанами останутся занятые ими территории колоний. Лично для него это означало разорение, ибо Вирджиния с его родовым поместьем оставалась по ту сторону фронта. Но что оставалось делать?

«Я не вижу ничего впереди, кроме новых бед... Мы кое-как держались, но всему приходит конец. Одним словом, история этой войны — история ложных надежд», — писал он накануне 1781 года одному из своих генералов. «Мы дошли до точки», — повторил он в апреле 1781-го своему другу Генри Лоуренсу. А 1 мая записал в дневнике: «Вместо складов, ломящихся от провианта, мы сидим на голодном пайке... вместо полков, укомплектованных в соответствии с новыми штатами, едва ли хоть один штат, входящий в Союз, представил восьмую часть своей квоты... вместо перспективы блистательного наступления перед нами перспектива безалаберной и мрачной обороны».

Итак, весной «дошли до точки», а осенью англичане сдадутся ему под Йорктауном. Что же произошло летом? Появился Рошамбо.

ТВОРЕЦ ЙОРКТАУНСКОГО ТРИУМФА

Французы еще в 1780 году высадили экспедиционный отряд в Америке для операции против Нью-Йорка, но из-за немногочисленности отряда (и небоеспособности американцев) дело не заладилось. Перелом наступил летом 1781-го, когда из Франции прибыл с подкреплением генерал-лейтенант Рошамбо, опытный и решительный военачальник.

Несмотря на уговоры Вашингтона, Рошамбо сразу отказался от штурма хорошо укрепленного Нью-Йорка. В том числе потому, что, ознакомившись с Континентальной армией, остался о ней не лучшего мнения. «У Вашингтона нет и половины войск, на которые он рассчитывал. Хотя он и скрывает, я думаю, у него нет и шести тысяч», — писал он. Но именно по этой причине решительный удар нужно было наносить как можно быстрее. «Американский главнокомандующий внутренне убежден — ввиду тяжкого финансового положения эта кампания будет последней вспышкой сходящего на нет патриотизма. Эти люди достигли предела своих ресурсов», — доносил Рошамбо в Париж.

Рошамбо решил идти на юг и атаковать корпус английского генерала Корнуоллиса, базировавшегося в приморском Йорктауне. Здесь ему могла прийти на помощь французская эскадра адмирала де Грасса, выполнявшая операции в Карибском море. Списавшись, два французских командующих разработали совместный план, о котором Вашингтон был поставлен в известность лишь накануне выступления. Его протест по поводу оставления позиций у Нью-Йорка не помог, французы готовы были прекратить поддержку Континентальной армии и самостоятельно провести операцию. Пришлось пристраиваться им в хвост.

План Рошамбо сработал на сто процентов. Он организовал осаду войск Корнуоллиса в Йорктауне, с моря их блокировал де Грасс. К тому моменту Англия уступала франко-испанскому альянсу по количеству линейных кораблей (94 против 146 у союзников), ее эскадры не могли прикрыть все находящиеся под угрозой точки — и не сумели выручить Корнуоллиса.

Если осаждавшие его 17 000 человек в равной степени представляли войска Рошамбо и Вашингтона, то французские потери при взятии Йорктауна в два с лишним раза превысили американские. А когда батареи американцев стреляли по английским редутам, французы едва сдерживались от обидного

для союзников смеха: ядра не поражали цели, бомбы часто не взрывались. Заново оцените теперь пассаж из советского учебника: «...Главные силы англичан сдались Вашингтону». Каково это было бы читать Рошамбо?

Когда 19 октября 1781 года, исчерпав запасы продовольствия, Корнуоллис и 8000 его солдат капитулировали, то они отдали честь французам и демонстративно проигнорировали американцев.

И еще раз поправим учебник: корпус Корнуоллиса был отнюдь не «главными силами». Да, его потеря была крайне неприятна, но англичане располагали в Северной Америке еще 25 000 штыков, а в американских полках в 1782 году начались голодные бунты. Война с колонистами еще не была проиграна Англией. Почему же после Йорктауна она пошла на мирные переговоры?

Потому что речь уже шла не о США, а об Индиях. В том же 1775 году, когда восстали американцы, на Индостане началась война Англии с Маратхской конфедерацией и могущественным княжеством Майсур. Французы и тут подсустились, так что англичане едва удерживали фронт. А была еще Вест-Индия: Ямайка, Барбадос, Невис, Антигуа — острова Карибского архипелага, основой экономики которых было выращивание сахарного тростника. Сахар в те времена был таким же важным ресурсом, как в XX веке нефть. Достаточно сказать, что объем импорта только из Ямайки впятеро превышал импорт из всех 13 американских колоний.

Контроль над этими «двумя Индиями» был для Лондона куда важнее усмирения беспокойных американских колоний, а сил для войны на три фронта не хватало даже у самой богатой державы. И англичане решили зафиксировать потери на не самом важном колониальном проекте, чтобы сосредоточить силы на удержании двух приоритетных. В сентябре 1783 года был подписан мирный договор, Англия признала независимость США. Индии в итоге остались за англичанами.